

Как я работала над диссертацией

Работу свою я начала в последнем семестре аспирантуры, так как мне, по установленной в институте догматике, kellett два раза тому.

Тогда была избрана мною и результаты работы над докладом и семинары по теории возрастной педологии и педологии, необычайно удачной и благодарной, однако, несколько путала предстоящими трудностями не только меня, но отчасти и моего руководителя. Мне, постоянно работавшей на работе с подростками, была незнакома практика работы с ранним детством; в кафедре никогда не велась работы с этим возрастом, ни опыта, ни специально оборудованной базы для работы в институте не было. Руководитель же мой проф. Л. С. Выготский, живя в Москве и приезжая в Ленинград 1 раз в 1—2 месяца, также не мог обеспечить повседневную помощь. Предварительная работа над литературой специальной и методологической дала мне минимум теоретической вооруженности: гипотеза, данная Л. С. Выготским, была ясна и из аспирантского семинара и из первых консультаций, хотя, разумеется, и гипотеза еще скрывала в себе ряд неясностей, и методика не была достаточно видна. Однако, мне казалось, что прежде всего необходимо познакомиться с условиями и особенностями непосредственной работы, с возрастом, увидеть своими глазами те факты, которые были известны лишь по литературе. Кроме того, углубленная разработка гипотезы сильно оттянула бы срок исследования, т. к. связана была с необходимостью работы над немецким языком, (которым я владела недостаточно), ибо основная литература по теме была почти исключительно иностранная.

Поэтому я решила начать параллельную работу — ознакомиться с яслями, отобрать испытуемых и начать сбор фактического материала — и наряду с этим разрабатывать теорию.

Параллельная работа над источниками и экспериментальным материалом имела двойную выгоду: встающие в процессе накопления фактов неясные вопросы заставляли подбирать новые теоретические источники и приучали к самостоятельности в пользовании ими.

Кроме того — такая установка работы заставляет по иному использовать и методологические источники — возвращаться к ним опять-таки с целевой установкой — искать ответы на конкретные, а не только общие вопросы.

С другой стороны — знакомство с источниками давало возможность

расширять экспериментальную методику, проверять факты других авторов не на методикой, вырабатывать свои толкования их, с ними спорить, как нам кажется более правильными и методически и фактически.

Надо еще отметить следующий момент: такая параллельная работа над теорией и фактами стимулирует к тому, чтобы избежать еще одного, немалого недостатка в работе молодых научных работников: очень часто период актуальных материалов также слишком отдален от периода собрания его („третья очередь“).

В тесной связи с этим последним стоит вопрос о сроках исследования: очень часто аспиранты склонны по возможности оттягивать сроки защиты, вынося их даже при условии 3-х годичной аспирантуры за срок ее окончания. Иногда аргументация этой установки идет от „необходимости выносить“, „еще продумать“ и т. д. Для меня, например, наибольшим затруднением в работе была именно вынужденная растянутость ее: на 4 месяца сплошной работы до окончания аспирантуры я сделала самое основное в собрании материала. Потом, работая урывками, я постоянно страдала от того, что мысли разбивались, приходилось снова и снова возвращаться к тому же месту, кроме того проверка того или иного факта, к необходимости которой я приходила в результате раздумывания над материалом, уже не могла быть проведена, т. к. момент был упущен. Это особенно важно для экспериментальных работ, ибо они связаны с детским материалом, очень подвижным и изменяющимся. Все это только тормозит работу. Я считаю, что максимальное освобождение 3-го года аспирантуры и полное посвящение его диссертации является обязательным условием успеха работы.

Мое общение с руководителем было редким.

Такая ограниченность встреч с руководителем, — вынуждала меня к самостоятельности в работе и требовала очень большой теоретической работы над собой, и кроме того требовала тщательного продумывания содержания консультации готовиться к встрече с руководителем, чтобы максимально использовать ее. Мне кажется в ограниченном руководстве имеется определенное положительное значение. Мне представляется отнюдь не положительным явлением — стремление некоторых товарищей с каждым затруднением

(Продолжение см. на 4 стр.)

Как я работала над диссертацией

(Продолжение)

обращаться к руководителю, считать обязательным получение от руководителя в готовом виде всех методик и т. д. Однако, такая форма руководства предъявляет большие требования не только к аспиранту, но и к руководителю. Успех такой формы руководства может быть прежде всего обеспечен лишь в том случае, если теория, положенная в основу работы достаточно глубока и хорошо вооружает для исследования, но помимо того, что руководитель должен суметь раскрыть достаточно глубоко перед аспирантом теоретические положения и гипотезу исследования—нельзя ограничиваться только указаниями по вопросам исследования, руководитель должен помочь в овладении методикой научно-исследовательской работы вообще. Этот последний момент в моей работе оказался очень нужным. Я могла бы привести здесь два штриха, характеризующих подход моего руководителя к моей работе. Будучи сам блестящим экспериментатором Л. С. Выготский учил меня относиться максимально внимательно к фактам, не только добытым мною лично, но и записанным, или просто наблюдаемым и рассказанным мне другими.

Второй совет руководителя был связан с анализом материала. С. В. Выготский советовал мне не пренебрегать никакими мыслями, которые появляются в связи с работой—все равно будут ли это вопросы, или „догадки“.

Мы часто и справедливо жалуемся, что успешную работу над диссертацией чрезвычайно затрудняет отсутствие „исследовательской атмосферы“ на кафедрах. Изживание этого недостатка—работа длительная

и, в условиях ряда кафедр требует многих дней, однако, мы далеко не всегда используем и то немногое, что вполне по силам каждой кафедре, и что в моей работе оказало огромное влияние—это вопрос о внимании и заинтересованности в работе отдельного человека. Кафедра добилась представления мне месячного отпуска для работы над темой, отпуска 100 рублей на перевод иностранной литературы на тех языках, которыми я не владею, организовала возможность командировки в Москву. Но быть может еще более ценным было то, что на протяжении всего исследования я постоянно ощущала и внимание и интерес к своей работе со стороны товарищей по кафедре. Проблемы меня интересующие были частью общих научных интересов всей кафедры; я всегда могла найти живейший отклик, обращаясь с вопросом и недоумением, у большинства товарищей. Я чувствовала, что моя защита не только мое личное дело, к ней готовилась и кафедра.

В заключение мне хочется отметить еще один момент, который был для меня постоянным стимулом к усиленной работе над диссертацией, который неустанно подталкивал и торопил—это сознание огромной ответственности перед комсомольской организацией, воспитавшей меня, оказавшей доверие выдвижением в аспирантуру, но тем самым и требующий неуклонного роста и овладения порученным участкам работы.

Мне только кажется, что комитет комсомола недостаточно часто проверяет комсомольцев и недостаточно строго спрашивает выполнения поставленных задач.

Мечтой встречаю рас-
свет ранний.

Ковникова